

Перед лицом превосходящих сил противника. Тактика генетиков в августе 1948 года

Задание к семинару

Текст 2. Поляков Илья Михайлович

Составьте подкреплённый примерами из текста ответ на вопросы:

1. Разделяет ли выступающий теоретические взгляды Лысенко?
2. Чего он хочет достичь своим выступлением?
3. В каких случаях он говорит искренне, в каких – неискренне?

Из стенографического отчёта сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина (31 июля – 7 августа 1948 г.)

<http://lib.ru/DIALEKTIKA/washniil.txt>

* ЗАСЕДАНИЕ ВОСЬМОЕ (Дневное заседание 5 августа 1948 г.) *

<...>

Академик П. П. Лобанов. Работа сессии продолжается. Слово для ответа на записки имеет тов. Алиханян. Тов. Алиханян есть? Нет. Тогда слово имеет профессор Поляков.

Профессор И. М. Поляков (член-корреспондент Академии наук УССР). В современной биологической науке идет напряженная борьба прогрессивного и реакционного, старого и нового, материализма и идеализма. И в этой борьбе передовая научная идеология Советского Союза противостоит гнилой идеологии капиталистического мира. Та борьба, которая происходит в биологической науке, является отражением острой, напряженной классовой борьбы.

В чем конкретно выражается эта борьба в области эволюционной теории и генетики?

Если говорить о внешней стороне дела, то мы видим, что на Западе и в Америке возникают и плодятся во множестве различные антидарвинистские теории и теориейки, всевозможные аристокенезы, протерогенезы и пр. О всех этих "генезах" и "измах" можно сказать то же, что говорил Ленин о гелертерской игре в новые словечки, в мудреные термины и хитрые измы. Вся эта лжеученость должна прикрыть враждебную нам философскую линию, линию идеализма и метафизики.

В области эволюционной теории и генетики основное направление атак на дарвинизм идет в настоящее время со стороны неodarвинизма, со стороны вейсманизма.

Неodarвинизм оказался не в состоянии разрешить такие основные вопросы эволюционной теории, как соотношение внешних и внутренних факторов в изменчивости и эволюции, соотношение части и целого в эволюции организмов и т. д. Вейсманизм-неodarвинизм построил метафизическую теорию эволюции, отрицающую творческую роль естественного отбора, неверно трактуящую роль наследственной изменчивости, значение мутаций в эволюции и ряд других вопросов.

Морган, Симпсон, Григс, Шелл, Майер и другие, хотя все они или многие из них считают себя дарвинистами, но по существу мы имеем дело с вейсманизмом, неodarвинистической реакцией. И совершенно правильно и своевременно поставлен вопрос о том, что многие современные авторы, именующие себя дарвинистами, являются в сущности метафизиками, неodarвинистами, являются – если взять старый тимирязевский термин мендельянство – неомендельянами.

В трактовке процессов эволюции неodarвинисты стоят на позициях довлеющей роли мутаций, отрицания влияния внешней среды на процессы развития. Если взять Вейсмана, Моргана, Шелла и других, то все они рассматривают организм в отрыве от среды, подменяют творческое действие отбора фактором изоляции (примером того является Майер), допускают в условиях изоляции, путем выщепления, мутации не только низших систематических категорий, но и высших. Результат этой идеалистической, метафизической концепции, которая вытекает не из дарвинизма, а из современного вейсманизма, из неверной оценки роли мутаций в эволюции, из неверного понимания взаимоотношений организма и среды в эволюции, является то, что все эти авторы смыкаются с автогенетиками. С другой стороны, к антидарвинистам примыкают ламаркисты, которые упрощенчески понимают взаимоотношение организма и среды, стоят на позиции вульгарной теории равновесия и не могут дать научного материалистического объяснения проблеме органической целесообразности.

Не случайно многие буржуазные генетики пришли к позициям вейсманизма и неodarвинизма в области эволюционной теории, стали сторонниками учения о преадаптации, утверждающего, что приспособительные черты организма зарождаются заблаговременно, задолго до того, как

организм попадает в данные условия среды, и только в соответствующих условиях изоляции эти черты выявляются.

Не случайно Морган, Шелл и другие стоят на позициях преадаптации. Не случайно Пеннет попытался не так давно воскресить бэтсонизм, а Григс, Нэбор и другие воскрешают лотсианство, что может показаться чудовищным в наше время.

Это связано с рядом серьезных теоретических ошибок в самой генетике. В чем заключаются эти ошибки? Эти ошибки, на мой взгляд, заключаются прежде всего в учении об автогенезе, в непонимании физиологической природы процесса наследственной изменчивости. Эти ошибки связаны с метафизической концепцией гена, с непониманием организма как целого в индивидуальном и историческом развитии. Это неминуемо привело к тому абстрактному и глубоко абиологическому подходу к проблеме видообразования, который характерен для названных ученых. Отсюда неверная трактовка мутаций, преадапционизм и все прочие понятия антидарвинизма.

Отсюда и вытекает, что многие современные зарубежные генетики, именующие себя дарвинистами, в сущности дарвинистами не являются, а являются неodarвинистами, вейсманистами, т. е. метафизиками, антидарвинистами.

У нас все эти вопросы стоят очень остро, так как они являются не абстрактными теоретическими вопросами, вокруг которых можно говорить много хороших и ученых слов; все эти вопросы тесно связаны с жизнью, с практикой создания новых форм, в которых особенно заинтересована наша Родина. Наша Родина уверенно идет по пути построения коммунистического общества, и, естественно, задача ученых – использовать в науке все то, что способствует продвижению по этому славному пути, и беспощадно отбрасывать все то, что в той или иной степени мешает, что не обеспечивает движения по наиболее плодотворному, продуктивному пути. Отсюда необходимость борьбы за четкие и ясные позиции в науке, позиции, которые соответствуют фактам, а тем самым соответствуют и диалектико-материалистическому пониманию живой природы.

Мне хочется кратко высказать свою точку зрения по некоторым основным вопросам, затронутым в дискуссии.

Наша позиция в области эволюционной теории должна быть позицией дарвинизма. Я не употребляю выражения "ортодоксальный дарвинизм", как мне это приписывают. Я всегда писал, что дарвинизм в той форме, в какой его сформулировал Дарвин, имеет ряд положений, нуждающихся в пересмотре; в учении Дарвина имеются отдельные ошибочные положения, и именовать себя ортодоксальными дарвинистами нам незачем. Но мы – дарвинисты, потому что мы согласны с материалистическим ядром учения Дарвина, с глубоко творческой, глубоко правильной теорией естественного отбора, без которой невозможно объяснить основные черты органического мира и приспособленности организмов к среде, то, что именуется органической целесообразностью. И если мы категорически отвергаем ламаркизм, то, конечно, не потому (это нужно ясно сказать), что ламаркизм ставит вопрос о роли факторов среды в изменчивости, а прежде всего потому, что ламаркисты разрешают с ненаучных позиций основную проблему эволюционной теории. Ламаркисты неверно разрешают вопрос о соотношении организма и среды. Ламаркизм – это в сущности вульгарная теория равновесия, и для самого Ламарка и последующих ламаркистов чрезвычайно характерно неумение научно-материалистически объяснить явление целесообразности.

Не случайно поэтому для ламаркизма характерно учение об изначальной целесообразности. Характерно для ламаркизма и учение о внутреннем стремлении организмов к прогрессу, о принципе градации. Все эти идеалистические понятия вытекают из чрезвычайно упрощенчества, неправильной общей концепции ламаркизма, из концепции современных ламаркистов, отрицающих творческую роль естественного отбора, без которого невозможно объяснить эволюцию.

У нас часто в дискуссиях дело решается таким образом, что основной спор идет вокруг вопросов о роли среды в эволюции. Это действительно основной вопрос или один из важнейших основных вопросов.

Среда имеет величайшее значение в эволюции организмов. Это вытекает из самой сущности организма как такового. Для организма наиболее характерным свойством является метаболизм – обмен веществ его с окружающей средой. А что это значит? Это значит, что организм не может существовать, не впитывая в себя, не перерабатывая в себе факторов внешней среды. И поэтому внешняя среда в эволюции организмов играет чрезвычайно существенную роль. Рассматривать

эволюцию организма в отрыве от внешней среды – это значит неминуемо скатиться на позиции метафизики и идеализма.

Но мне кажется важным подчеркнуть, что воздействие среды, природа внешней среды могут быть истолкованы различно, когда мы говорим об эволюции, индивидуальном развитии организма, изменчивости и т. д. Возьмем наследственную изменчивость. Наследственная изменчивость организма по природе своей физиологична. Это утверждение Тимирязева, Мичурина, утверждение, на котором так настаивает сейчас Г. Д. Лысенко, является совершенно правильным. Это означает, что изменения организма не могут идти иным путем, как через изменения материальной структуры плазмы, цитоплазмы, ядерной плазмы, через изменения специфического для организма обмена веществ, характерного для каждого вида метаболизма. Это тот реальный путь, через который внешние факторы включаются в организм.

Эту точку зрения, которую я сейчас сформулировал, я формулирую не впервые. Я с 1934 г. неоднократно об этом писал и выступал, в частности, на дискуссии при редакции журнала "Под знаменем марксизма" в 1939 г. В подтверждение этого я мог бы привести очень много материалов, если бы было время.

Сейчас сторонники подчас различных направлений в генетике приходят к тому, чтобы вскрыть физиологическую природу наследственной изменчивости. В свое время в генетике были популярны многочисленные опыты, с помощью которых генетики думали доказать, что организм меняется в зависимости от условий среды. Сюда относятся многочисленные опыты с рентгеном и т. п. На смену этим опытам идут другие, и с помощью их пытаются, специфическими характерными воздействиями, включиться глубоко интимно в структуру организма, в его биохимию, физиологию, и этим путем добиться изменений.

В этом отношении работы по расшифровке наследственной основы организма, которые мы находим в трудах мичуринского направления, заслуживают большого внимания. Подходить к этим работам так, как подходят некоторые генетики, догматически, закрывать глаза, говоря, что этого не может быть, это значит уклоняться в сторону от поступательного движения науки в этой области.

Но я полагаю, что многочисленные работы, в которых экспериментаторы путем химических воздействий – аминокислотами и рядом других веществ – пытаются подойти к решению этой задачи, работы ряда авторов, которые пытаются путем иммунологических воздействий, иногда даже адекватно, изменить структуру наследственного организма, – все эти работы (одни прямо, другие косвенно) направлены к тому, чтобы глубоко включиться в физиологию организма и изменить его наследственную основу.

В этой связи необходимо затронуть вопрос, который здесь поставлен, – об унаследовании приобретенных признаков. Очень часто многие авторы связывают это представление об унаследовании приобретенных признаков с ламаркизмом.

Это правильно в том смысле, что для ламаркизма допущение наследования приобретенных признаков является совершенно обязательным. Однако было бы совершенно бессмысленно и неверно всякого исследователя, утверждающего, что приобретенные изменения могут унаследоваться, зачислять по этому признаку в разряд ламаркистов, ибо ламаркизм – это целая эволюционная концепция, связанная с идеалистическим представлением об изначальной целесообразности, уводящая к автогенезу, а вопрос, о котором сейчас речь, это вопрос конкретный.

Как нужно разрешать этот вопрос? Как я понимаю разрешение этого вопроса?

Сейчас распространяется очень широкое понимание о наследовании приобретенных признаков.

Речь идет о том, что изменения, вызванные в определенных условиях существования, в определенных условиях среды, изменения, вызванные в организме (в ряде случаев это вопрос совершенно конкретный), в зависимости от того, в какой мере эти изменения могут затронуть половые элементы, повлиять и т. д., могут оказаться и в следующем поколении, т. е. унаследоваться. В таком очень широком понимании мы признаем, что внешние факторы включаются в процесс наследственной изменчивости, в таком широком плане и надо говорить об унаследовании приобретенных признаков.

Но основной спор идет не вокруг этого, а вокруг того, могут ли признаки, приобретенные какими-либо органами тела, адекватно изменять элементы, при помощи которых организм размножается (скажем, половые клетки). Могут ли эти адекватные изменения направленно идти, передаваться из поколения в поколение?

Мне кажется, – я защищаю это много лет, – что из самой сущности понимания развития наследственности вытекает, что для подавляющего большинства случаев такой путь невозможен. По какой причине? Потому что условия образования половой клетки, условия образования элементов, при помощи которых размножается данный организм, и условия, при помощи которых возникают изменения, например, в коже саламандры в опытах Кеммерера или в опытах с травматическими повреждениями и т. д., о которых шла речь, – это совершенно разные вещи.

Поскольку это так, постольку нельзя представить себе такую адекватную переработку в организме тех или иных изменений.

Значит ли это, что такая адекватность вообще невозможна? Нет, не значит, потому что вопрос должен стоять очень конкретно: о каких организмах идет речь, о каких признаках, в какой связи эти признаки находятся с условиями образования половой клетки, какова биохимическая природа, биохимическая основа этой клетки.

Любопытный факт. Мне попала работа Стертеванта – одного из столпов современной классической генетики, одного из сотрудников Моргана, работа, которая вызвала у меня чрезвычайно большое удивление, ибо даже этот автор допускает возможность адекватного унаследования изменений, возникших в определенной части тела (речь идет о передаче по наследству дефектов хрусталика).

Т. Д. Лысенко. Это говорилось.

И. М. Поляков. Я не знал. Этот автор полагает, что путем подобных иммунологических воздействий могут произойти подобного рода изменения.

Я этот факт упоминаю, чтобы показать, что к этому вопросу надо подойти без предубеждения. На определенных ступенях эволюции, особенно у низших организмов, у растений, в отношении целого ряда признаков вполне мыслимо, учитывая конкретные пути развития признаков в организме, что эти признаки наследуются подобным путем. Но возводить это в общее правило по моему, нельзя.

Но это мне кажется частным вопросом.

В общей форме вопрос ставится так, что внешняя среда, внешние условия, в которых происходит развитие организма, включаются в процесс изменчивости; процесс изменчивости, через обмен веществ, оказывается по природе физиологичен.

Вот в этом смысле я понимаю это учение. Здесь в этой области должна быть проделана еще очень большая экспериментальная работа, которая нам многое разъяснит и которая нам даст в руки совершенные методы переделки животных и растительных форм.

Большинство животных и растительных форм до сих пор создаются отбором, как и во время Дарвина, который использовал естественную гибридизацию. Задача, которая ставилась и которая Мичуриным была разрешена, – это задача направленно переделывать, сознательно изменять природу организма. Но нужно задать еще один вопрос. Когда человек направляет изменчивость, то он получает то, что ему нужно, что приспособлено к определенным природным условиям или отвечает его хозяйственным потребностям.

Если этот процесс идет стихийно в природе, то с точки зрения общей целесообразности организма как целого возникающие изменения могут давать различный эффект.

Значит, в данном случае вступает в силу творческая роль естественного отбора, но это не мыслимо в отрыве от изменчивости и наследственности; его нельзя рисовать как сито, которое просеивает возникающие мутации. Но естественный отбор решает, являются ли данные изменения пригодными, жизненно целесообразными, или они будут в эволюции отброшены. Вот здесь основной узел разногласий между ламаркистами и дарвинистами.

Если считать, что среда сама по себе вызывает целесообразное изменение организмов, то это неизменно приведет к теологии.

Когда мы говорим среда, то совершаем общую ошибку. Можно думать о температуре, о минеральном состоянии почвы, о воде и т. д., но, как еще подчеркивал Дарвин, основной средой организма являются другие организмы, биологическая среда. И вот, если внешние факторы, включившись в процесс изменчивости и являясь необходимым условием для возникновения того или другого изменения, вызывают проявление разнообразных признаков, то это разнообразие в отношении к среде биологической может быть чрезвычайно различным по своей эволюционной ценности.

Например, если у каких-то бабочек вырабатывается защитная окраска в отношении хищников, ящериц или птиц, которые поедают бабочек, то изменчивость каждой бабочки идет, конечно, под влиянием факторов среды, она физиологична по своей природе. В этом сомневаться не

приходится. Здесь существуют пути влияния внешних факторов. Но все это неопределенно. Все эти изменения будут идти по типу неопределенной изменчивости.

Т. Д. Лысенко. Это предвидеть можно или нет?

И. М. Поляков. Мичурин поставил только вопрос об изменчивости. Моя мысль совершенно ясна. Я хочу сказать, что среда, включаясь в процесс наследственной изменчивости, вызывает разнонаправленные изменения.

Т. Д. Лысенко. Предвидеть изменения можно или нет?

И. М. Поляков. Мне трудно, когда вы перебиваете.

Т. Д. Лысенко. Мне трудно слушать, когда говорят неправильные вещи. Предвидеть можно или нельзя? Если мы поставим, например, корову в надлежащие условия, вымя будет увеличиваться или нет? Можно это предвидеть или нет?

И. М. Поляков. Я сейчас говорю о том, что в стихийных природных условиях возникающие изменения идут в различных направлениях потому, что организмы многообразны, окружающие условия тоже многообразны, и это вызывает многообразную разнонаправленность изменений. Естественному отбору приходится решать, что является целесообразным и что не является целесообразным.

Я говорю, что речь идет о неопределенной изменчивости.

Голос с места. Вы критиковали...

И. М. Поляков. Я понимаю несколько иначе, чем вы. Изменяются ли причины или нет, можем ли мы этим овладеть или нет.

Это ясно всем.

И вот в этом смысле я и понимаю утверждение Дарвина и Тимирязева о "неопределенности" природной изменчивости – именно с точки зрения приспособительного эффекта, с точки зрения общей целесообразности организма как целого. Так я и понимаю сущность этого вопроса. Я не говорю, что раз есть изменчивость, то ее нельзя направить.

Т. Д. Лысенко. Все то, что вы рассказали, – немного гипотетично. Вы не признаете мутаций. Но ведь вы недавно расписались полностью под концепцией Шмальгаузена. Вы дали самую хвалебную рецензию на его книгу. А в ней пишется то же самое, что вы излагали здесь, приводя иностранные имена, и называли классической генетикой (только не сказали, какого класса). Вы же на днях буквально расписались в признании позиций Шмальгаузена. Что же вы умалчиваете об этом?

И. М. Поляков. Зачем вы спешите, Трофим Денисович? Здесь у меня лежит конспект моего выступления, и здесь, могу вам показать, идет речь о Шмальгаузене, так что совершенно не нужно меня перебивать и не нужно спешить. (Смех. Шум в зале.)

Следовательно, я хочу сказать вот о чем. Когда мы говорим о неопределенной изменчивости, то под этой неопределенной изменчивостью понимается прежде всего вопрос о целесообразности и о приспособительном эффекте. Отсюда вытекает, – и это чрезвычайно важно подчеркнуть, – что поскольку изменения организмов разнонаправленны (я говорю о природной эволюции), то отсюда вытекает биологическая неоднородность особей в пределах вида и возникает мое расхождение с вами, Трофим Денисович.

Внутривидовые противоречия основаны на этой биологической неоднородности особей, составляющих вид, а не на мальтузианском перенаселении. Если я являюсь сторонником учения о внутривидовой борьбе за существование и не вижу причины ставить вопрос так, как ставит вопрос Трофим Денисович, то не потому, что я думаю, что это мальтузианское учение. Против мальтузианства во всех его разновидностях, против евгеники и против расизма и социалдарвинизма я выступаю свыше 20 лет. Я говорил и об ошибках в концепции Дарвина, в его теории борьбы за существование. Но для меня борьба за существование в самых разнообразных формах вытекает из биологической неоднородности особей, составляющих вид. Внутривидовые противоречия, которые носят иногда не антагонистический характер, на мой взгляд обязательно (в условиях пусть временных и относительных), переходят в изменения антагонистические, которые принимают характера различных форм борьбы за существование, являющейся предпосылкой для естественного отбора. Этот вопрос стоял у нас в дискуссии достаточно остро, и нельзя учение о внутривидовых противоречиях связывать обязательно с мальтузианством. Мы должны разработать во всей полноте вопрос о тех внутривидовых противоречиях, которые выражаются в этой борьбе за существование, и дело здесь не в мальтузианстве. В этот вопрос, мне кажется, нужно внести достаточную ясность.

Т. Д. Лысенко. Насчет ясности. Кому не ясно, что вопрос внутривидовой борьбы и конкуренции – это вопрос не только второстепенный, а третьестепенный в нашем споре, а вы, антимичуристы, все время на это скатываетесь. И скажите мне, когда Лысенко вел дискуссию по внутривидовой конкуренции? Поэтому речь идет, тов. Поляков, не о третьестепенном вопросе, а о значении внешней среды для организма, об эволюции изменчивости. Об этом речь идет. Шмальгаузен все это отрицает. Вы к нему присоединяетесь полным голосом в печати, а тут говорите о других вещах.

И. М. Поляков. Должен дать справку, что из 35 минут, которые я говорил, я уделил этому четыре минуты, так что я этот вопрос не раздувал сейчас. Остановлюсь еще на одном вопросе и буду заканчивать.

Мне кажется, что наше наступление на природу мы должны вести очень широким фронтом, используя все возможности, применяя все средства. В генетической науке ведущими, главными, чрезвычайно плодотворными являются такие идеи, ясную формулировку которых мы находим у Тимирязева и у Мичурина и которые заграничные реакционеры всячески пытаются охаивать. Разработанное Мичуриным учение о подборе пар при скрещивании, его замечательные методы отдаленной гибридизации, учение о менторе, воспитании и отборе и т. д. – все это огромная программа работы, чрезвычайно увлекательной и плодотворной. Для меня это не просто теория и не абстрактные убеждения. Я здесь не выхожу на трибуну делать реверансы, я сам на протяжении ряда последних лет и мои ближайшие сотрудники работаем не в области каких-то абстрактных формально-генетических проблем, а в области изучения важной, поставленной Мичуриным во весь рост, проблемы избирательного оплодотворения, работаем экспериментально. Нет времени подробно говорить, но скажу об этом в двух словах. Нам удалось показать на целом ряде объектов широчайшее значение избирательного оплодотворения, установить связь этого явления со ступенями эволюционной внутривидовой дивергенции, удалось, как мне кажется, проанализировать физиологические механизмы этих явлений, те процессы, которые происходят в пыльцесмеси на определенных материнских растениях, удалось показать, что подчас небольшие количества нужной пыльцы, попадающие в пыльцесмесь, приобретают большое значение в процессе оплодотворения, и выяснить еще ряд других вопросов.

Все это я говорю для того, чтобы подчеркнуть, что для меня вопросы мичуринской генетики не являются вопросами абстрактными, которые мне далеки и по которым я могу делать те или иные дипломатические расшаркивания и реверансы. Это область, в которой я работаю и которая меня больше всего интересует. Она меня увлекает и заставляет задумываться над целым рядом важных эволюционно-генетических проблем.

Я хочу сказать, что не занимался и не занимаюсь другими областями генетической науки, но я полагаю, что целый ряд важных направлений в экспериментальной разработке генетических проблем должен получить развитие. Я считаю интересным все то, что связано с клеточной физикой и химией, с цитохимией, в связи с некоторыми вопросами генетики. Я считаю важным все, что связано с вопросами наследования пола, особенно у низших организмов. Я считаю важными и интересными работы, которые показывают, через какие физиологические процессы реализуются наследственные потенции организма. Я считаю очень важными, теоретически и практически, исследования, связанные с полиплоидией, и целый ряд других работ.

Мне кажется, что генетика и дарвинизм должны развиваться в нашей стране широким фронтом и нужен целый ряд направлений, которые открывают интересные и важные факты. Не нужно от этих вещей отмахиваться. Не стоит так легко относиться к этим направлениям.

И последнее, о чем я хочу и обязан сказать, это вопрос о Шмальгаузене. Обвинения, которые по моему адресу бросались, связаны с тем, что я давал положительные отзывы на труды Шмальгаузена. Считаю нужным честно и откровенно заявить, что я думаю об этом сейчас.

Шмальгаузен за последние годы, не считая его экспериментальных работ, выпустил четыре книги: "Факторы эволюции", "Организм как целое", "Пути и закономерности эволюционного процесса" и "Проблемы дарвинизма".

Есть в этих работах недостатки, ошибки? Есть. На ряд таких недостатков я указывал, на некоторые ошибки указывали другие товарищи, а о некоторых вопросах надо специально серьезно спорить. Но я хочу сказать, что в работах Шмальгаузена нужно спокойно разобраться. Это не маленькая статейка, которую можно выбросить за окно, которая ценности не имеет. Все то положительное, что есть в этих работах, нужно взять.

Что же в этих работах есть положительного? Это разработка таких кардинальных вопросов, как "Организм как целое в эволюции", вопрос о путях и направлениях адаптивной эволюции и ряд

других вопросов, по которым Шмальгаузен продолжает здоровое северцовское направление. В этом меня никто не переубедит.

В этой книге мы найдем резкую, глубокую критику различных антидарвинистских концепций: и неodarвинизма-вейсманизма, и холизма, и автогенетиков, и других. Почему мы должны на это закрывать глаза?

Там имеются вещи спорные, и вокруг этого нужно и следует провести дискуссию. Здесь цитировалась основная, как раз наименее удачная его книга "Факторы эволюции".

Т. Д. Лысенко. Вы на эту, по вашему мнению наименее удачную книгу хвалебную рецензию дали, на Сталинскую премию книгу представляли!

И. М. Поляков. Да, я считаю, что работы Шмальгаузена почти все являются...

Т. Д. Лысенко. На премию представляли?

И. М. Поляков. Представляли на премию. Была представлена эта, потому что и в этой книге много положительного.

Голос с места. Вы дали официальный отзыв!

И. М. Поляков. Но не только официальный отзыв...

Голос с места. И не на труды, а именно на "Факторы эволюции".

И. М. Поляков. В "Советской книге" я дал отзыв на все три книги Шмальгаузена, в том числе...

Голос с места. Официально вы писали?

И. И. Презент. Прямее, прямее, точнее высказывайтесь.

И. М. Поляков. О чем?

И. И. Презент. Высказывайтесь, чтобы была всем понятна ваша точка зрения, ваша позиция.

И. М. Поляков. Моя позиция такова: в работе Шмальгаузена спорные места есть, есть ошибочные...

Голос с места. Какие?

И. М. Поляков. ...но в работах Шмальгаузена по некоторым пунктам имеется целый ряд важных для эволюции моментов, идей, разработка которых отбрасываться не должна, которые базируются на огромном биологическом, эмбриологическом, экологическом материале, которые очень важны и интересны. Почему мимо этого проходить?

Я здесь услышал, что Шмальгаузена обвиняют в том, что он сторонник предельческих настроений, сторонник того, что имеется предел изменчивости и т. д., и приводилась цитата из его книги. Прочтя эту цитату, должен сказать, что из нее нельзя усмотреть основания для этого обвинения.

Т. Д. Лысенко. Неужели вы согласны, что вымя коровы, от которой ныне получают в сутки 60 литров молока, предопределилось, как это выходит по Шмальгаузену, еще в диком состоянии? Неужели вы это разделяете?

И. М. Поляков. Это нелепость.

Т. Д. Лысенко. Почему же об этом не сказали в рецензии?

И. М. Поляков. Я таким образом не понимаю...

Т. Д. Лысенко. Там написано: ранее накоплено, до культуры.

И. М. Поляков. Я понимаю иначе, Шмальгаузен пишет, что имеются, по существу, неограниченные возможности изменений.

Я хочу сказать, что в нашей науке имеется, несомненно, целый ряд спорных вопросов и мы должны совместной, товарищеской, творческой критикой в этом разобраться. Мы должны в этом отношении, не взирая на лица, строго подходить к ошибкам, отклонениям от основной линии, и эта творческая дискуссия поможет сформулировать правильную точку зрения.

Я считаю неверным и не приносящим пользы делу, когда подчас эту критику мы подменяем наклеиванием ярлыков. Человек может бороться 15 лет с вейсманизмом, но если он не согласился с академиком Лысенко по вопросу о борьбе за существование, он значитесь вейсманистом. Я не сторонник "вегетарианских взаимоотношений" и не боюсь острых разговоров и критики, но мне кажется, что задача нашей науки в том, чтобы вокруг основного, ведущего направления объединялось все здоровое, что есть в науке, и думаю, что для этого полезнее спокойная товарищеская критика, а не зашатачество и наклеивание ярлыков.

Я уверен, что в результате этой дискуссии наша советская наука, все наши ученые тщательно продумают все, что здесь происходит, будут бороться за дальнейший прогресс нашей науки, за ход ее вперед, за смелую критику и самокритику. Несомненно, что наша наука, объединенная вокруг передовых идей, которые в этой области знаменуются именем Т. Д. Лысенко, сделает еще более крупные успехи...

Т. Д. Лысенко. Вы говорите о мичуринском направлении. Но в своей рецензии вы об этом не пишете. Говоря о "Факторах эволюции" Шмальгаузена, вы не указали, считаете ли вы правильным, что Шмальгаузен ни словом не упомянул ни о Мичурине, ни о Тимирязеве не только в тексте, но даже и в списке литературы. Считаете ли вы это правильным? Второй вопрос. Вы призываете к критике и самокритике, чтобы не было застоя и т. д. Это все хорошо. Известен ли вам ученый, который не так давно говорил и писал: я долго колебался, какую сторону держать, раньше был ближе к мичуринцам, потом твердо решил поддерживать шмальгаузеновскую сторону, – а теперь вы с мичуринцами? (Аплодисменты.)

И. И. Презент. У меня следующий вопрос: Илья Михайлович здесь призывает к тому, чтобы в дискуссиях не было зашательской критики. Меня в связи с этим интересует совершенно конкретный вопрос. На конференции по дарвинизму и на предшествующей конференции по генетике в Московском университете была вынесена резолюция, которая обозвала академика Т. Д. Лысенко ламаркистом. Вы голосовали за эту резолюцию?

И. М. Поляков. Вопрос следующий: изменил ли я свои взгляды на вопросы эволюционной теории со времени конференции по дарвинизму? Я выступал там по двум вопросам: по вопросу о внутривидовой борьбе за существование, и по этому вопросу я своего взгляда не изменил, о чем здесь и сказал; второй доклад я делал по экспериментальным работам, но об этом речь здесь не идет.

Затем вопрос: считаю ли я, что гипотеза Дубинина о генетико-автоматических процессах является идеалистической? Эта гипотеза является одной из разновидностей квалифицированного мною здесь мутационизма или неodarвинизма, так что об этом я говорил. Нельзя же вспоминать всех авторов.

В отношении позиции академика Т. Д. Лысенко в связи с ламаркизмом. В 1939 г. по этому вопросу я сказал на совещании при редакции "Под знаменем марксизма", что постановка вопроса о роли внешнего фактора в изменчивости не дает права квалифицировать человека как ламаркиста. В докладе на этой сессии академик Т. Д. Лысенко сказал, что мичуринскому направлению не по пути ни с неоламаркизмом, ни с неodarвинизмом и что мичуринскому направлению надо отмежеваться от неоламаркизма и неodarвинизма. Я могу это заявление только горячо приветствовать.

Но в этом вопросе нужна очень большая ясность. Я хотел бы получить объяснение, как трактуется здесь органическая целесообразность? Как понимается место и роль естественного отбора? Эти вопросы являются решающими.

И. И. Презент. Вы не ответили на мой вопрос о резолюции.

И. М. Поляков. Что было в резолюции?

И. И. Презент. Илья Михайлович неожиданно забыл интереснейшую резолюцию, где сказано, что Т. Д. Лысенко скатился на ненаучные, антинаучные позиции ламаркизма. Там было сказано, что резолюция "принята единогласно", а среди участников совещания значится ваша фамилия. Меня интересует, в связи с этим, ваша действительная позиция во время голосования.

И. М. Поляков. Я своей действительной позиции скрывать не буду. Я считал, и говорил об этом в своем докладе, что в отношении ламаркизма и дарвинизма Т. Д. Лысенко, когда выступал по вопросу о внутривидовой борьбе за существование и естественном отборе, пытался сочетать ту и другую позиции. Вот то, что я говорил на конференции. А формулировку о том, что мичуринскому направлению не по пути ни с неodarвинизмом, ни с неоламаркизмом, такую формулировку могу только приветствовать. (Аплодисменты.)

*** ЗАСЕДАНИЕ ДЕСЯТОЕ (Утреннее заседание 7 августа 1948 г.) ***

Академик П. П. Лобанов. Разрешите продолжить работу сессии. В президиум поступил ряд предложений о прекращении прений. Всего записалось 72 человека, высказалось 56 человек. Кроме того, 11 человек просят вторично выступить. Какие будут предложения.

Голоса с мест. Прекратить прения.

Академик П. П. Лобанов. Разрешите проголосовать предложение о прекращении прений. Голосую. Кто за то, чтобы прения прекратить, прошу поднять руку. Прошу опустить. Кто против? (Нет.)

Принято единогласно. (Прения прекращаются.)

Закрывающее слово предоставляется Президенту Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина академику Т. Д. Лысенко. (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.) <...>

Академик П. П. Лобанов. Слово для заявления имеет профессор И. М. Поляков.

И. М. Поляков. Товарищи! Вчера вечером в разговоре с друзьями, присутствующими здесь на сессии, я сказал, что эта сессия в моей жизни была очень большим и взволновавшим меня событием, заставившим многое переоценить.

Товарищи знают мои выступления на многочисленных научных съездах и конференциях, мои научные статьи и учебники. Я всегда старался честно разобраться в ряде больших и важных вопросов эволюционной теории, дарвинизма, генетики. Старался с марксистско-ленинских позиций продумывать основные теоретические положения в нашей науке, остро критиковать реакционные взгляды зарубежных и некоторых наших ученых. Товарищи знают, что я много лет выступал таким образом.

Но когда меня с этой трибуны упрекнули, что мое выступление здесь было нечетким, то меня в этом упрекнули правильно. Итти не до конца, занимать промежуточные позиции, для ученого-большевика – дело негодное. Нужно четко и ясно сформулировать свою позицию. Нужно прямо сказать, что мичуринское направление – это генеральный путь развития нашей биологической науки и надо итти по этому пути. Это единственно возможный путь для партийных и непартийных большевиков, которые хотят работать в области нашей биологической науки, принося пользу нашему советскому народу, нашей Родине.

Хочу отметить, что на протяжении последних 8-9 лет я и мои ближайшие сотрудники работали по проблеме избирательного оплодотворения – одной из важнейших проблем мичуринской генетики. Мы пришли к ряду интересных выводов; эти выводы полностью подтверждают мичуринскую точку зрения. Об этом я писал в работах, которые сейчас печатаются. Но останавливаться на этом нельзя; надо сделать и дальнейшие выводы. Надо быть логичным и не стараться сочетать вещи несочетаемые.

Перестраиваться в "экстренном порядке" – это дело несерьезное для ученого, который серьезно занимается наукой, любит свою науку. По многим вопросам мне надо еще много и серьезно подумать. По ряду вопросов нашей науки мы можем и должны плодотворно, творчески спорить. Если, мы, например, спорим о борьбе за существование и отборе, то в этом ничего нехорошего нет, так как товарищеские споры в среде советских ученых по тем или иным конкретным вопросам науки могут быть только полезными. Но нужно понять главное и основное – что наша партия помогла нам произвести глубокий, коренной перелом в области нашей науки, показала нам, что мичуринское учение определяет основную линию развития советской биологической науки, и отсюда необходимо сделать вывод и работать, развивая мичуринское направление. И надо это своей работой доказать, а не просто декларировать. Это должно быть программой моей работы, как ученого-коммуниста. И если на этот путь не стать, то хочешь или не хочешь, но будешь притягивать к себе людей, склонных к беспринципной групповщине, людей, которые за частными научными спорами не видят основного большого, что делается в нашей стране. Я призываю всех наших советских биологов решительно притти к тем же выводам, к которым пришел я. Многим это будет сделать не просто и не легко, нужно все очень глубоко продумать, но, повторяю, надо решительно до конца разорвать с неверными взглядами, решительно критиковать метафизические, идеалистические, вейсманистские взгляды зарубежных реакционеров от науки и отголоски этих взглядов в трудах некоторых советских ученых. Мы должны помочь нашей партии разоблачать ту реакционную лженаучную гниль, которая распространяется за рубежом нашими врагами. Мы должны понять, что это гниль повлияла на некоторых советских ученых и ее нужно выкорчевать до конца. Мичуринское направление в науке, возглавляемое Т. Д. Лысенко, – это широкое и глубоко научное народное движение, движение, которое способствует быстрее итти по великому пути победоносного строительства коммунистического общества. В этом направлении должны работать деятели советской биологической и сельскохозяйственной науки. В этом направлении буду работать и я, прилагая все силы для разработки великого мичуринского учения.

Академик П. П. Лобанов. В президиум поступило предложение послать от участников сессии приветственное письмо товарищу И. В. Сталину.

Слово для оглашения текста письма имеет академик И. Д. Колесник.
Академик И. Д. Колесник зачитывает текст приветственного письма И. В. Сталину.